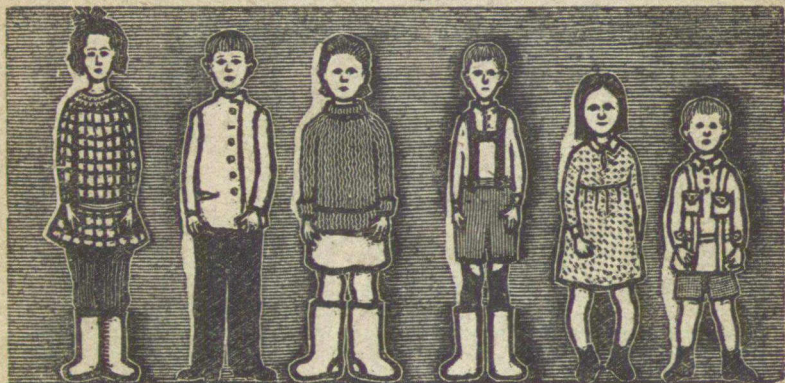

Л. Будогоская

Б 903

НУЛЕВКИ

ОГИЗ-МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Л. БУДОГОСКАЯ

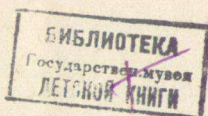
5903

5903

Н У Л Е В К И

ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ
Э. Будогоского

ОГИЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1933
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

562295

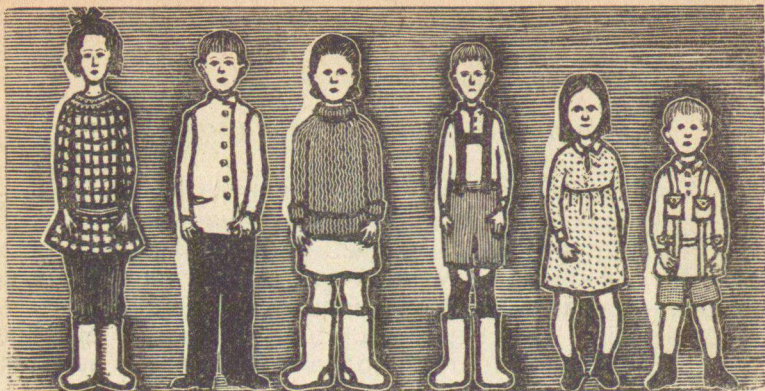
50 47139

24/692
92/6552-41

Д. 68. Огиз № 1481/л, ст. формат 72х93, Число тип. зн. в 1 л. 35.840.
Ленгорлит № 55.676. Тир. 25.000, Печ. л. 2¹/₄. № зак. тип. 4909.
Отдано в производство 26 I. Подписано к печ. 7/IX.
Редактор Т. Габбе. Техред. А. Николаев.

Государственная типография „Ленингр. Правда“. Ленинград, Социалистическая, 14.

*„Что нам делать к празднику
восьмого марта?“*

Написано мелом на большой черной доске. Это написала Вера Наумовна. Сидит за столом Вера Наумовна. А ребята сидят за низкими белыми столиками.

Что сделать к празднику восьмого марта — придумывают ребята. Подняла руку Римма.

— Плакаты сделать, — сказала Римма.

Как начали руки поднимать! Кто говорит — украсить класс; кто говорит — украсить ленинский уголок; кто говорит — спеть песню. Вера Наумовна мелом пишет на доске, записывает столбиком все, что говорят ребята:

Сделать плакаты.

Украсить класс.

Украсить ленинский уголок.

Спеть песню.

Полетел, загремел стул. Даже вздрогнули все. Это Федя Яблочкин. Он поднялся и уронил свой стул. Поднимает свой стул.

— Знаете что? Можно устроить уголок Осоавиахима, — говорит Федя Яблокин.

Вера Наумовна пишет на доске:

„Устроить уголок Осоавиахима“

— А я видала Осоавиахим! — крикнула Нюра.

— Ну, расскажи, — сказала Вера Наумовна.

— На демонстрации 1-го Мая! — кричит Нюра.

— Что ты кричишь! Мы не глухие. Выйди к доске и всем расскажи, — сказала Вера Наумовна.

Встает из-за столика Нюра. Идет. Как идет! Выворачивает пятки, головой вертит. Подошла к доске и навалилась на доску.

— Сначала собаки шли... А потом голуби... — сказала Нюра.

И все. Больше ничего не может сказать.

— Ну, и я видел, — сказал Ганс Лиллипеа.

— Иди, Ганс Лиллипеа, расскажи, — сказала Вера Наумовна.

Идет к доске Ганс Лиллипеа.

— Ганс по-немецки гусь, — сказала Римма.

И похож на гуся Ганс Лиллипеа. Белый и шея тонкая. Стал к доске, говорит, торопится. Ничего не понять, что Ганс Лиллипеа говорит. Только бу, бу, бу, фыр, фыр, фыр.

— Кто может хорошо рассказать, пусть выходит к доске! — сказала Вера Наумовна.

Со стула поднимается Римма. Ростом выше всех Римма. Улыбается, идет к доске. Юбченка короткая, сзади большая заплатка видна на рейтузах у Риммы.

Стала Римма к доске и говорит:

— Сначала красноармейцы шли, шли... Потом Осоавиахим. Собаки мохнатые, называются — немецкие овчарки. Потом другие собаки, не овчарки. Идут, лают... Потом мопсы, оскаливши зубы.

— Нюрка так села, что мне ничего не видно! — кричит Миша Фигельман.

Из всего класса ростом самый маленький Миша Фигельман.

— А что тебе видеть? Сиди и слушай, как Римма рассказывает, — сказала Вера Наумовна.

— А потом голуби, — говорит Римма, — они ехали. Ехало вот такое какое-то высокое, как танка, и наверху голуби.

— В клетке? — кричит Федя Яблочкин.

— Ну да, в клетке, — говорит Римма. — Потом на площади как их пустят из клетки... Как полетели! Как зашумели!

— А почему зашумели? — говорит Федя Яблочкин.

— Ну, крыльями, — сказала Римма.

— А куда полетели? — кричит Миша Фигельман.

— А вот не знаю куда, — сказала Римма.

— Вера Наумовна, куда? — кричит Миша Фигельман.

— В свой дом, — говорит Вера Наумовна. — Это почтовые голуби. Их можно далеко увезти от их дома. Написать, что нужно на записке, привязать к лапе записку и пустить. Полетит голубь, найдет свой дом, и прилетит домой с запиской. Почтовые голуби Осоавиахима будут помогать Красной армии на войне. Где человеку не пройти, почтовый голубь полетит с донесением.

— И собаки Осоавиахима тоже будут помогать на войне, — сказал Федя Яблочкин.

— Пора, наверное, завтракать, — сказала Вера Наумовна, — пусть кто-нибудь сбегает посмотреть на часы.

— Я, — сказал Миша Фигельман, — я умею смотреть на часы. Выбежал из класса Миша Фигельман. Пробежал коридор на цыпочках. Спустился по лестнице на первую площадку.

Часы на площадке. Стоит ящик, как шкаф. И в ящике под стеклом часы. Не слышно, как тикают; только шевелится серебряный маятник. Стал перед часами Миша Фигельман.

Как горошина, маленький Миша Фигельман. Тоненькие светлые волосы на голове. Глаза выпучены.

Смотрел, считал, шептал. Потом пулей назад в класс.

— Вера Наумовна, без десяти минут час! Я все минуты отсчитал! — кричит Миша Фигельман.

— Ребята, становитесь в пары, — сказала Вера Наумовна.

Все ребята — к дверям. У дверей становятся в пары.

Зое никак не найти пару. Все толкают Зою. У Зои ноги очень кривые. Колесом выгнулись. Зоя не может быстро ходить. Вот никто и не хочет с Зоей идти в паре.

Лицо широкое, бледное у Зои. Волосы черные до плеч. Стала в сторонку от ребят и губы стиснула.

Подходит Вера Наумовна.

— Они меня толкают, — тихонько говорит Зоя Вере Наумовне.

Вера Наумовна взяла за руку Зою. Подвела к Римме. И сказала:

— Вот пойдешь с Риммой.

— Ребята, — говорит Вера Наумовна, — в других классах идут уроки. По коридорам нужно идти совсем тихонько.

Пошли. Все парами. Вера Наумовна впереди.

Коридоров много. Все длинные коридоры. Двери закрыты. Стекла в дверях. Ребята поднимаются на цыпочки. Все равно не видно, что за стеклами. Римма с Зоей идут сзади всех. С боку на бок качается Зоя. Не может ступить на всю ступню. Ступает на самый краешек ступни. Но лучше с Зоей идти, чем с Нюрой. Идет — на все стенки наваливается Нюра. И дергает все ручки от дверей.

Вышли на лестницу. С широкими белыми перилами лестница. Внизу столовая.

В столовой много столов. Пустые столы. Одни ребята во всей столовой.

Уселись за крайний стол.

Окошко сделано в стене. Дежурные ребята подбежали к окошку и крикнули:

— Двадцать пять порций!

Кто за окошком, не видно. Только руку видно. Рука ставит порции на окошко. Дежурные хватают, несут на стол.

— Селянка! — кричит Федя Яблочкин.

Тушеная капуста с мясом называется селянкой.

Из дверей вышла тетенька. Принесла поднос с белыми чашками. И в большущем медном чайнике чай

Кто хочет, может брать чай.

Миша Фигельман не взял селянку. Взял чай и достает из кармана бутерброд к чаю. Разворачивает бумажку. С котлетой у Миши бутерброд. И весь обвязан нитками.

— Ой, что это? Зачем это нитки? — сказала Римма.

Все ребята смотрят на Мишин бутерброд.

— Это я придумал, — говорит Миша Фигельман. — А то всегда разваливается. А так вот ниткой обвяжешь и не разваливается.

— А как же есть будешь? — кричат ребята.

Начинает Миша Фигельман есть бутерброд. Прямо с нитками ест бутерброд. Как захохотали все!

Съел.

— С нитками слопал! — кричат ребята.

А Миша Фигельман вдруг изо рта вытягивает нитку. Вытягивает длинную, длинную нитку.

Заорали, захохотали все.

— Ой, Вера Наумовна идет, — сказала Римма шопотом.

Притихли ребята. Подходит Вера Наумовна.

— Миша Фигельман, если будешь шалить за столом, придется сажать тебя отдельно, — сказала Вера Наумовна.

Пошли из столовой. Опять парами. Опять Вера Наумовна впереди. Поднимаются по лестнице.

— А я знаю, — говорит Римма. — Мишка, значит, хлеб с котлетой ел, а нитки не ел. Как-то за щеку закладывал нитки.

Ударил колокол. У лестницы к потолку подвешен колокол. Большая перемена.

Сразу шум внизу, вверху. Это все двери отворились в коридорах. Выбежали школьники. Все в столовую завтрак бегут. Как хлынут на лестницу! Чуть Мишу не сшибли. Чуть Зою не сшибли с лестницы.

— Тише! — кто-то крикнул, — не видите? Нулевки идут.

Сегодня в нулевом классе Римма отмечает погоду. На стене таблица погоды. Римма рисует на таблице солнце, круглое солнце, и лучи во все стороны. Значит, день ясный.

А вот когда мороз, нужно рисовать дом и густой дым из трубы.

А вот когда ветер, рисовать дерево, которое наклоняется. Только у всех дерево выходит вроде метелки.

Миша Фигельман отмечает на санитарной таблице.

Кто чистый в школу пришел, того Миша отметит красным крестом, а кто грязный, того черным крестом.

Нюра подходит к каждому столу и осматривает ребят. Когда другие осматривают, так ничего, а уж когда Нюра!.. Всех дергает Нюра. Потом как за ухо схватит! Да как вывернет ухо! Того гляди, от головы оторвет ухо.

Зоя на стуле съежилась. Руками закрыла уши от Нюры. А Нюра кричит:

— Зоя не показывает ушей! Вот мы и поставим ей черный крест!

А потом кричит:

— У Федя Яблочкина опять грязные уши!

— Федя! Федя! Грязнуля-мальчик! И как не стыдно? Всегда с грязными ушами приходит в класс, — сказала Вера Наумовна.

Все повернулись и смотрят на Федю.

— Это мама позабывает вымыть, — пробурчал Федя.

— Ой, он маленький дитя, — крикнул Миша Фигельман.

И все захохотали.

— А ты сама моешь уши, Римма? — спрашивает Вера Наумовна.

Улыбается Римма.

— А почему не сама? — говорит Римма. — Я все делаю сама.

— Ей мама только пришила заплату на рейтузы, — сказал Миша Фигельман.

Опять засмеялись ребята.

— И мы все сами моем уши, — кричат ребята.

Вдруг отворилась дверь. Влетел Ганс Лиллипеа. Сумка под мышкой. Вот мчался, даже лоб вспотел.

— Ганс по-немецки гусь, — сказала Римма.

Бежит на место Ганс.

— Стой! — говорит Вера Наумовна. — Кто опоздал, должен сказать причину.

Остановился Ганс. Повернул шею, точно ему от воротника неловко.

— У нас там... часы... сзади, — говорит Ганс причину.

— А у нас опаздывать нельзя. Мы работаем по-ударному, — сказала Вера Наумовна.

Сел на место Ганс. Достает из сумки тетради. В ящик столика кидает тетради. Потом еще что-то из сумки достает.

— Винтовка! — крикнул Миша Фигельман.

Соскочил с места Федя Яблочкин и с грохотом уронил стул. И другие ребята соскочили. Налетели смотреть, какая у Ганса Лиллипеа винтовка.

Маленькая, из дерева сделана. Выкрашена в коричневый цвет. Веребочка вместо ремня. Косо гвоздики вбиты вместо затворов.

Схватил винтовку Миша Фигельман.

— Вот так вот, — сказал Миша Фигельман. Прицелился, глаз прищурил. И пощелкал гвоздиками.

— Это ты сам сделал винтовку? — спрашивают Ганса ребята.

Кивнул Ганс Лиллипеа. Потянул носом и говорит:

— Это я сделал для уголка Осоавиахима.

— Вот и хорошо! — сказала Вера Наумовна.

— Вера Наумовна, а где мы устраивать будем уголок Осоавиахима? — кричит Миша Фигельман.

Вера Наумовна подошла к стене около печки.

— Вот здесь! — сказала Вера Наумовна.

Взяла молоток и гвоздь. Вбила гвоздь в стену. И повесила винтовку. Ребята столпились, смотрят на винтовку.

— А у меня винтовка настоящая будет. И сто патронов, — говорит Федя Яблочкин.

— Сто патронов! Вот, брат! — сказал кто-то из ребят.

Все смотрят на Федю Яблочкина.

— Папа мне купит сто патронов! И я еще куплю сто патронов! — говорит Федя Яблочкин.

— Нам нужно устроить уголок Осоавиахима, — говорит Миша Фигельман. — У нас только одна винтовка висит. Нам нужно еще что-нибудь сделать.

— Ребята, ну что мы сделаем для уголка Осоавихима? Какой у вас план? — сказала Вера Наумовна.

— Сделаем самолет, — сказал Миша Фигельман.

— Корабль и танку, — сказали ребята.

— Достанем маску, — сказал Ганс Лиллипеа.

— И почтового голубя, — сказала Римма.

— Ну, все на места, — говорит Вера Наумовна, — давайте начинать работать. Нам нужно выполнить план.

— А моя мама на заводе выполняет план, — вдруг тихонько сказала Зоя.

Никогда не кричит, никогда громко не смеется Зоя. Всегда говорит тихонько. А больше стиснет губы и молчит.

— А у папы на заводе перевыполнили промфинплан! — сказал Миша Фигельман.

Вера Наумовна велела Римме раздавать материал.

Римма распахнула шкаф.

На полках много баночек с клеем. Ящики с красками. В коробках цветные карандаши. Белая и разноцветная бумага. Картон, кусочки дерева. Дощечки, пилы, молотки.

— Кому чего? Поднимайте руку, — сказала Римма.

— А ты куда лезешь? — кричит на Федю Яблочкина Римма, — нужно руку поднять, а не лезть!

— Дай мне двадцать гвоздей! — кричит Федя Яблочкин.

— Ой, много, — сказала Римма.

— Ну десять! — кричит Федя Яблочкин.

— Ребята, разве можно прямо по столу колотить? — говорит Вера Наумовна, — портить стол!

— Нельзя, — говорят ребята, — нужно подложить дощечку.

— Римма! Сюда мне дощечку, — кричит Федя Яблочкин. — Мне нужны гвозди забивать. Я делаю самолет.

— И мы с Гансом Лиллипеа делаем самолет, — закричал Миша Фигельман.

— Ну и что ж? Пусть будет два самолета, — сказал Ганс Лиллипеа.

— Мой, знаете, будет какой? Истребитель, — сказал Федя Яблочкин.

— А он будет летать? — спросил Ганс Лиллипеа.

— Не-е, — говорит Федя Яблочкин, — полететь-то он не полетит.

— А наш будет летать, — сказал Ганс Лиллипеа.

— Ну да! — говорит Федя Яблочкин, — как же!

— Мы с Гансом ударники, — сказал Миша Фигельман. Самолет сделаем, который будет летать.

Ганс Лиллипеа вырезал для самолета пропеллер.

— Пропеллер неправильный, — говорит Миша Фигельман, — нужно вот так вот, винтом. Чтоб ввинтился в воздух. Тогда полетит. Я на выставке был, где самолёты. Там и узнал про эти все штуки.

Потянул носом Ганс Лиллипеа.

— Вали, ты сделай пропеллер, — сказал Ганс Лиллипеа. Ножиком режет, режет дерево Миша Фигельман. Даже покраснел и говорит:

— Как кость, твердое дерево.

— Римма! Сверла или буравчика нету? — закричал Миша Фигельман.

— Нету, — отвечает Римма.

— Ну ладно, я ножиком, — говорит Миша Фигельман.

Потом опять кричит:

— Римма! А стеклянной бумаги нету?

— Нету, — отвечает Римма.

— Ну ладно, я ножиком, — говорит Миша Фигельман.

А потом говорит:

— Я уже мозоль натер от ножика.

Зоя сидит за столиком с ребятами и стругает палочки. Настругала много палочек. Вдруг подняла руку и смотрит на Веру Наумовну. Не видит Вера Наумовна. Встает Зоя. Качается с боку на бок, идет. Подходит к Вере Наумовне.

— Они мне молоток не дают, — тихонько говорит Зоя.

— Ребята, дайте ж ей молоток, — сказала Вера Наумовна.

Идет на место Зоя. Садится. Ребята швырнули ей молоток. Опять поднимает руку Зоя. Опять встает. Качаясь с боку на бок, подходит к Вере Наумовне.

— Они мне гвоздей не дают, — тихонько говорит Зоя.

— Ребята, почему вы ей ничего не даете? — говорит Вера Наумовна.

Ребята ничего не ответили

Села на место Зоя. Губы стиснула. Как рванет к себе всю коробку с гвоздями! Все захватила гвозди. Роемся в коробке. Выбирает. Какой гвоздь не нравится ей, швырнет обратно в коробку.

— Да что она делать-то будет? — говорят ребята.

— Зоя, что ты делать-то будешь? — спрашивает Нюра.

— Клетку для почтовых голубей, — пробурчала Зоя.

Нюра сидит, развалившись на стуле. К ящику столика приделана ручка, чтобы ящик из столика выдвигать. Нюра крутит и дергает эту ручку.

— Я, — говорит, — до зоологического ездила на колбасе.

Зоя посмотрела на Нюру. Зоя никогда не видела, чтобы девочки ездили на колбасе. Вот Ганс Лиллипеа сзади на извозчиках ездит.

Наверно врет Нюра.

Зоя для клетки нашла две дощечки. Одна снизу будет ровная дощечка. А другая сверху. И нужно палочек набить. Много. Двадцать палочек.

Начинает Зоя прибивать палочки.

— А вот мне клетку не сделать, — сказала Нюра. — Я не могу, не умею, не умею, — заныла Нюра. И голову положила на стол.

Опять Зоя посмотрела на Нюру. Вот говорила Вера Наумовна, что Нюра девочка неорганизованная.

— Эй, Федя Яблочкин! — кричит Ганс Лиллипеа. — Что, сделал самолет или нет?

Бурчит что-то под нос Федя Яблочкин.

— Он уже бросил делать самолет, — говорят ребята. — Он делает корабль.

— Ну вот! — сказал Ганс Лиллипеа.

— Ну, пусть сделает корабль, — сказал Миша Фигельман.

— А у нас самолет сейчас полетит. Только еще не все готово, — кричит Ганс Лиллипеа.

— Подождите! Подождите! Не готово! Не готово! — кричит Миша Фигельман.

Но ребята уж соскочили с мест.

— Тут надо бы простую железину прибить. Ну, да пускай так, — говорит Ганс Лиллипеа.

— Постой! Постой! — кричит Миша Фигельман, — подуй сперва!

Дунул на пропеллер Ганс Лиллипеа.

— Крутится, — говорит Ганс Лиллипеа. — Вот ежели крутиться будет, этта будет летать!

— Пускать? — говорит Миша Фигельман.

— Вали, вали! — говорит Ганс Лиллипеа.

— Отойдите! — кричит ребятам Миша Фигельман.

— Эй, ниже пускайте, полетит прямо в стекло! — кричит Римма.

Как пустит Миша Фигельман самолет. Трах на пол самолет. Упал. Лежит на полу. Распластал бумажные крылышки. И пропеллер не вертится.

Так и прыснул Федя Яблочкин, весь покраснел от смеха.

— Вот так полетел! — кричит Федя Яблочкин.

И все ребята захохотали. Ганс Лиллипеа повернул шею, точно ему в воротнике неловко.

— Ой, плохо! — сказал Ганс Лиллипеа.

Подбежал к самолету Миша Фигельман. Поднимает с полу самолет.

— Ах ты! Ах ты! — говорит Миша Фигельман.

Самолет не летает. Зато у Зои клетка хорошая. Крепкая клетка. Вот она сядет нарочно, и ничего.

Зоя на пол поставила клетку. Села на клетку.

Трах... и все палочки переломились.

На другой день приходит Нюра в класс. И приносит маску. Большую серую противогазовую маску.

Окружили Нюру ребята.

— Это для уголка Осоавиахима? Вот здорово! — кричат ребята.

— Ух, какая! Глаза стеклянные. Вместо носа как хобот, — кричит Римма.

— Это кишка, — говорит Миша Фигельман.

— Настоящая маска! — кричат ребята.

— Настоящая, да только испорченная! — кричит Федя Яблочкин, — кишка оборвана. Ящика, где воздух очищается, нету.

— Ну и что же, все-таки маска, — сказал Миша Фигельман.

— Где взяла? — спрашивают Нюру ребята.

— Там дома у нас в корзине валялась, — сказала Нюра.

— Плохая! Плохая! — кричит Федя Яблочкин.

— А ты достань лучше, ежели эта плохая, — сказал Ганс Лиллипеа.

— Вера Наумовна, нужно маску повесить там, где винтовка! — кричит Миша Фигельман.

Вбивает Вера Наумовна гвоздь. Столпились ребята, смотрят.

Висит на стенке винтовка Ганса Лиллипеа. И рядом маску Вера Наумовна вешает на гвоздь.

Смотрит со стены на ребят стеклянными глазами серая маска.

— Вот здорово! — говорят ребята.

Вера Наумовна прибавляет полку и говорит:

— Будут готовы корабль и танк — поставим на полку.

Миша Фигельман из кармана вытягивает резинку. Длинная резинка. Натянул в руках — и щелк.

— А резинка зачем? Откудова? От раскидая? — спрашивают ребята.

— Нет, — говорит Миша Фегельман.

— Где взял, — купил?

— Нет. Купить — она дорого стоит, рубль, — говорит Миша Фигельман.

— Хорошая резинка. Рогатку хорошую можно сделать, — сказал Ганс Лиллипеа.

— Мы, Ганс, ее натянем к пропеллеру, — говорит Миша Фигельман. — Вот так вот... вот так вот. После накрутим Тогда у нас самолет полетит.

— Ага, — сказал Ганс Лиллипеа.

— Я слышал про эти штуки, — говорит Ганс Лиллипеа.

Выхватил резинку. Натянул в руках, щелкнул.

— Крепкая, — говорит Ганс Лиллипеа. Мы ее натянем вдвойне. Она так лучше будет.

Побежал Миша Фигельман к шкапу, достал самолет.

Миша Фигельман и Ганс Лиллипеа на столике разбирают свой самолет. Оторвали пропеллер. Что-то приделывают к пропеллеру.

— Теперь туго, — говорит Ганс Лиллипеа и тянет носом.

Гансу некогда высморкать нос.

— Наоборот, еще слабо! Нужно вот так вот! Вот так вот! — кричит Миша Фигельман.

Подбежали смотреть Нюра и Римма.

— Проваливайте! — кричит Миша Фигельман.

— А почему нельзя посмотреть? — говорит Римма.

— Когда будет готово, тогда и будете смотреть! — кричит Миша Фигельман.

— Нам тут девчонок не надо, — говорит Ганс Лиллипеа. — Чтоб не галдели.

Убежали Нюра и Римма.

Переваливаясь с боку на бок, подходит Зоя. Стала, смотрит. Ноги колесом. Палец приложила ко рту.

— Чего глаза распаялила? — говорит Ганс Лиллипеа.

Ничего не ответила Зоя. Но не уходит. Только палец отняла ото рта.

— Принесла бы ты нам хоть проволоки, — сказал Миша Фигельман.

Идет, переваливаясь, к шкапу Зоя. Приносит проволоку.

— Принесла бы нам железинку от консервной банки, — сказал Ганс Лиллипеа.

Идет, переваливаясь, к шкапу Зоя. Несет железинку.

— Зойка, нам бусинка нужна! — говорит Миша Фигельман, — а у нас нет бусинки. Достань нам бусинку.

— Я не знаю, где взять бусинку, — говорит Зоя.

— Ну, достань! А то самолет не полетит, — сказал Миша Фигельман.

Заторопилась. Вперевалку к шкапу идет Зоя. Губы стиснула, роется в коробках. Все перерыла коробки. Всюду заглянула. Нигде нет бусинки. И нечего тут искать. Дома только, может быть, и можно найти бусинку.

— А вот! — вдруг проговорила Зоя.

Оторвала у себя от платья круглую пуговицу. Несет. Увидел Ганс Лиллипеа.

— Верно! — говорит Ганс Лиллипеа. — Ежели дырочку насквозь пробить, будет вместо бусинки.

Улыбнулась Зоя.

— Вот так вот! — говорит Миша Фигельман. И пробивает дырочку насквозь.

— Я вам помогаю, — тихонько сказала Зоя.

— Эй, Федя Яблочкин, корабль делаешь или нет? — закричал Ганс Лиллипеа.

— Он уже бросил делать корабль, — кричат ребята, — он тут гоняет паука.

— Он в спичечной коробке принес живого паука! — кричит Нюра.

Федя Яблочкин сидит за столиком. Выпускает из спичечной коробки паука. Бежит по столу паук. Он его хлоп — и прикроет спичечной коробкой. Потом опять выпустит. Опять бежит по столу паук. Он его опять хлоп и прикроет спичечной коробкой.

— Я буду дрессировать паука, — говорит Федя Яблочкин.

— А разве можно дрессировать паука? — говорят ребята.

— Можно, — говорит Федя Яблочкин, — только нужно его из угла взять с паутиной.

Ганс Лиллипеа держит в руках самолет. Внизу самолета резина натянута вдвойне. И к пропеллеру приделана резина. Миша Фигельман крутит пропеллер. В одну сторону закручивает, закручивает пропеллер. И резина тоже крутится. Закручивается винтом.

— Он у меня далеко полетит. Я туго накручу, — говорит Миша Фигельман.

— Пускай! — вдруг крикнул Миша Фигельман.

Как вырвется у Ганса из рук самолет! Взлетел вверх.

— Смотрите-ка во! — закричали все. — Смотрите-ка... во!

Ниже летит, боком. Как шарахнется в дверь! И упал. Боком лежит на полу. Пропеллер по полу стучит: еще раскручивается резина.

Подбежал к самолету Миша Фигельман.

— Кабы не дверь, он бы дальше класса полетел! — кричит Миша Фигельман.

— А ну, пускайте еще! Еще! — кричат ребята.

Миша Фигельман держит самолет. Ганс Лиллипеа крутит пропеллер. Взлетел вверх самолет. Потом опять — боком, боком... И шарахнулся в стену. Упал с погнутым крылом.

— Авария! — кричит Миша Фигельман.

— А ну, пскайте еще! — кричат ребята.

— Погодите, погодите, — кричит Миша Фигельман, — нужно поправить крыло.

— Летать-то он летает, — говорит Федя Яблочкин, — да голько плохо, как калека.

— Вот ты сделай такой, чтобы летал хорошо, ежели этот — плохо, — сказал Ганс Лиллипеа.

— Иди ты вон! — закричали на Федю ребята. — А ты-то что сделал? Самолет взялся сделать — не сделал. Корабль взялся сделать — не сделал.

— Дрессировщик пауков! — сказал Миша Фигельман.

— Барабошка! — сказала Римма.

Ребята сделали корабль с трубой и с мачтой. И пушка на корабле. Военный корабль. И сделали танк из высокой железной банки. Корабль и танк поставили на полку. И подвесили на веревочке самолет.

— Ну что, выполняете план? — говорит Вера Наумовна.

— Выполняем! — крикнули ребята.

— Теперь только голубя нет, — сказал Миша Фигельман.

— А вот я на петлю поймаю голубя, — сказал Ганс Лиллипеа.

— Можно, — говорит Миша Фигельман, — вот так вот сделать петлю. Насыпать корму за окошко. Ступит голубь в петлю. Раз — и затянуть.

— Ой, почему? — кричит Римма. — Он какого поймает? Нужно такого, который может летать с донесением.

— А может такой как раз и попадет в петлю, — сказал Миша Фигельман.

Нюра сбегала посмотреть на часы.

— Уже три часа, Вера Наумовна, — сказала Нюра.

— Ну, время домой, — говорит Вера Наумовна. — Раз. Два. Три. Четыре.

Считать начинает Вера Наумовна медленно, громко. И ударяет в ладоши.

Засуетились ребята. Нужно стулья придвинуть к столикам. Тетради спрятать в сумки. Нужно парами построиться у дверей. Как скажет десять Вера Наумовна, — чтоб сразу тишина. И чтобы парами стоять у дверей.

— Девять. Десять, — отсчитала Вера Наумовна.

Сразу тишина. Ребята парами стоят у дверей. Не успела одна Нюра. На столике тетради в сумку укладывает Нюра.

— Ну что, Нюра, — говорит Вера Наумовна, — для тебя нужно считать до двадцати?

Схватила сумку Нюра. Потом схватила стул. К уголку Осоавиахима тащит стул. Влезла на стул и снимает маску со стены.

— Ой, что это? Зачем она берет маску? — закричали ребята.

Нюра сунула маску под мышку и бежит к дверям. С маской под мышкой стала у дверей сзади всех.

Все ребята повернулись и смотрят на Нюру.

— Нюра, зачем ты взяла маску? — говорит Вера Наумовна.

— Несу домой, — сказала Нюра.

— Если все заберут домой всё, что сделали и принесли для уголка Осоавиахима, — что у нас выйдет? Не будет никакого уголка Осоавиахима, — говорит Вера Наумовна.

— Все не берут, я одна, — пробурчала Нюра.

Ребята столпились. Кто сзади шею вытягивает. Кто на цыпочки поднимается, чтобы посмотреть, как с маской стоит Нюра.

— Но ведь маска нужна! Какой же уголок Осоавиахима без маски? Ни у кого из ребят нет маски, — говорит Вера Наумовна.

Молчит Нюра.

— Ведь тебе отдадут маску. Уголок Осоавиахима мы устраиваем к восьмому марта. Пройдет праздник восьмого марта — другое будем устраивать. И тебе маску отдадут. Ну что, оставляешь? — говорит Вера Наумовна.

Покраснела Нюра и крепко зажала под мышкой маску.

— Нет, — сказала Нюра.

— Ну, скажи, зачем тебе маска? Ты с ней будешь играть? — спросила Вера Наумовна.

Молчит Нюра. А потом говорит:

— Моя маска. И несу домой.

— Жадина! — крикнул Миша Фигельман.

И все ребята закричали.

— Тише! — крикнула Вера Наумовна.

— Ребята, — говорит Вера Наумовна, — все делают, все приносят что-нибудь для уголка Осоавиахима. Все стараются, чтобы к восьмому марта был у нас хороший уголок Осоавиахима. А Нюра принесла маску и уносит домой. Хороший ли товарищ Нюра?

— Пло-о-хой! — закричали ребята.

Повернула в дверь Вера Наумовна. И все ребята повернули.

Уходят за Верой Наумовой.

И Нюра уходит. Тащит под мышкой маску.

Не выполняется план. Маски в уголке Осоавиахима нету. И почтового голубя нету. А через день и праздник.

Ганс Лиллипеа хотел голубя поймать в петлю. И не поймал, потому что в окна вставлена двойная рама.

Ганс сказал, что один его знакомый мальчик, когда не было двойной рамы, насыпал корму за окошко. И не то, что в петлю, голубя прямо руками поймал. А когда двойная рама — куда тут! И не сунешься за окошко.

— А я думаю за голубями сходить в Осоавиахим, — сказал Миша Фигельман.

— В Осоавиахиме нет голубей, — сказала Вера Наумовна, — голуби у своих хозяев.

— У кого? — спросил Миша Фигельман.

— У своих хозяев, у членов Осоавиахима, рабочих и служащих.

— А у пионеров есть? — спрашивает Миша Фигельман.

— Наверное, — говорит Вера Наумовна. — Вот Леня придет — спросим.

Пришел в класс Леня. Волосы гладко причесаны у Лени. И красный галстук. Много старых журналов принес.

Леня пришел помогать ребятам делать плакаты.

— Вот в чем дело, ребята! — говорит Леня. — В журналах есть картинки, подходящие к восьмому марта. Поищите, вырезывать будете и наклеивать на плакат.

А потом говорит:

— Извиняюсь, но мне нужен стол.

Вера Наумовна освободила для Лени свой стол.

Большой белый лист разложил Леня на столе. Уселся и пишет кисточкой. Кисточку макает в красную тушь. Большие ровные буквы выходят у Лени.

ВОСЬМОЕ МАРТА — ДЕНЬ РАБОТНИЦЫ И КРЕСТЬЯНКИ

Такие большие, ровные буквы ребята из нулевого класса еще не умеют писать.

Подходит к Лене Миша Фигельман.

— Леня, у тебя почтовые голуби есть? — спрашивает Миша Фигельман.

— Нету. А что? — сказал Леня.

Тут еще ребята подошли. Миша Фигельман рассказал про уголок Осоавиахима.

— А почему вы придумали к восьмому марта уголок Осоавиахима? — спрашивает Леня.

— А вот... — начал говорить Миша Фигельман и, не знает, как сказать.

— А вот, — опять начал говорить Миша Фигельман. — Работницу и крестьянку защищает Красная армия. А Осоавиахим помогает Красной армии.

— Правильно, — сказал Леня.

А потом говорит:

— У меня голубей нет, а вот один наш, Рудольф, — у него почтовые голуби есть.

— Ой, а кто же этот Рудольф? — закричали ребята.

— Наш пионер, — говорит Леня. — Как ни приду к Рудольфу, он все на чердаке с голубями. Один раз пришел — Рудольф дома, и у него за пазухой голуби.

— А много у него голубей? — спрашивают ребята.

— Много, — говорит Леня.

— И зачем это он их держит? — спрашивают ребята.

— Он их воспитывает, чтобы они помогали Красной армии на войне. У него они зарегистрированы в Осоавиахиме. Он с ними работал на маневрах, — говорит Леня. — Хотите приведу Рудольфа?

— Приведи, — закричали ребята.

Убежал Леня. Вернулся с Рудольфом.

Рудольф ростом поменьше, чем Леня. И волосы хохлатые. Окружили ребята Рудольфа.

— Дашь голубя? — спрашивает Миша Фигельман.

— Да, — сказал Рудольф и говорит: — Ребята, вот что. Завтра приходите, как занятия кончатся, сразу после трех. А то меня не будет дома. Приходите с клеткой. Кто придет?

— Я! — крикнул Миша Фигельман.

— Я! — крикнул Ганс Лиллипеа.

— И я, — тихонько сказала Зоя.

— Улицу Воинова знаете? — спрашивает Рудольф, — от школы недалеко. Все прямо по Гагаринской итти. Потом, как у Невы Гагаринская кончается, за угол завернуть.

— А знаете, и я живу на этой улице, — проговорила Зоя.

— Вот, — сказал Рудольф, — дом номер пять. От угла третий дом. А квартира десять.

Ушел Рудольф.

Зоя садится за столик и начинает стругать палочки.

Посмотрел Ганс Лиллипеа.

— Опять палочки! — засмеялся Ганс Лиллипеа.

— Она делает клетку для голубя, — сказал Миша Фигельман.

— Ребята, нам нужно помочь Зое! — закричал Миша Фигельман.

— Ага, — сказали ребята.

Пошли в шкаф за материалом ребята.

— Вот я помогу, — сказал Ганс Лиллипеа. — У меня дома с дверцей клетка была. Я сам делал.

На другой день Зоя думает: „скоро три часа или не скоро?“

Сначала считали на больших счетах. Потом Вера Наумовна написала на доске:

„Мама, на праздник восьмого марта приходи к нам в класс“.

Ребята смотрят, как написано на доске. И пишут карандашами на листочках. И Зоя пишет на листочке. А сама все думает, скоро три или не скоро?

Листочки ребята понесут домой. Кто написал уже, идет показывать Вере Наумовне.

У кого ошибки, — Вера Наумовна обмокнет перо в чернильницу и поправит ошибки. Тогда нужно снова переписать.

А у кого нет ошибок, — Вера Наумовна обмокнет перо в чернильницу и подпишется: „Вер. Наум.“

— Ну, — вдруг сказала Вера Наумовна, — пусть кто-нибудь сбегает посмотреть на часы.

— Я, — сказал Миша Фигельман.

Подняла руку Зоя. Повыше, повыше вытягивает руку.

— Пускай пойдет Зоя, — сказала Вера Наумовна.

Переваливаясь с боку на бок, выходит из класса Зоя. Прошла коридор. Спускается по лестнице со ступеньки на ступеньку. На первую площадку, где часы.

Тихо шевелится серебряный маятник.

Зоя взглянула на часы — и назад.

Переставляет ноги со ступеньки на ступеньку, со ступеньки на ступеньку, скорей, скорей. По коридору шагает, скорей, скорей.

Отворила дверь в класс.

— Уже три часа, — сказала Зоя.

— Раз, два, три, четыре... — начинает считать Вера Наумовна. И ударяет в ладоши.

Ребята строятся парами у дверей.

— ... Девять, десять.

Построились парами. Впереди Ганс Лиллипеа и Миша Фигельман с клеткой. Пошли. Прошли коридор. Спускаются с лестницы. Вера Наумовна нагнулась через перила. Смотрит на часы.

— Зоя! — вдруг крикнула Вера Наумовна.

Остановилась на лестнице. И все ребята остановились.

Стоит на ступеньке Зоя. Палец приложила ко рту. Широко раскрыла глаза. Смотрит на Веру Наумовну.

— Ты что? — говорит Вера Наумовна. — Как не стыдно, не умеешь смотреть на часы! Ты сказала, уже три часа, а сейчас без двадцати три.

— Она не отсчитала минуты! — кричит Миша Фигельман.

— Она не посмотрела, где длинная стрелка! — кричит Римма.

— Всех сбила с толку. Все собрались домой, а только без двадцати три, — говорит Вера Наумовна.

Покраснела Зоя.

— Что делать теперь? — прошептала Зоя.

— Раз уж собрались, так итти! — крикнул Миша Фигельман. И взмахнул клеткой.

— Нет, — говорит Вера Наумовна, — нельзя раньше времени уходить домой. Назад в класс.

Заорали ребята. Замахали сумками, захохотали. Поворачивают за Верой Наумовной назад в класс.

Пришли в класс. И все еще сумками машут и кричат.

— Что за ярмарка! — сказала Вера Наумовна. — Тише, ребята, сложите сумки и садитесь за столы.

Сложили сумки ребята и сели за столы.

— А что теперь? — говорят ребята.

— Давайте в молчанку играть! — крикнул кто-то.

— Давайте в молчанку, — сказала Вера Наумовна.

Ребята сразу локти на стол. Руками подперлись. Глаза зажмурили. Тихо сидят, не шевелятся.

Вера Наумовна тоже оба локтя на стол. Потом руки ко рту и шопотом:

— Ри-имма! Тебя вызываю, Римма.

Римма открыла глаза. Встает. Тихонько, чтобы локтем ничего не зацепить. Чтобы ногой ни стул ни стол не зацепить. Приподнимает свой стул. Тихонько приставляет к столу.

Вера Наумовна указала пальцем на печку.

Крадется на цыпочках Римма к печке. Прислонилась к печке.

— Теперь ты вызывай, — шепчет Вера Наумовна.

— Га-а-анс! — шепчет Римма.

Вздрогнул Ганс. Тихонько встает. И стул приставляет тихонько к столу. Крадется на цыпочках.

— Туда! Туда! К дверям! К дверям! — машет рукой и шепчет Римма.

— Зо-оя! — от дверей вызывает шопотом Ганс.

Поднимается со стула Зоя. Как качнет Зою вбок!

Все ребята глаза открыли и смотрят на Зою. Ой, уж эта непременно зацепит!

Нет, ничего не зацепила Зоя. Идет, качается, раскинула руки. Ступает на краешек ступни. Тихонько ступает. Только ботинки скрипят.

Уж это она не виновата, что ботинки скрипят.

— Молодец Зоя, — шепчет Вера Наумовна и кивает Зое. Улыбнулась Зоя.

— К доске! К доске! — машет Зое Ганс.

Всех вызвали. Все стоят — кто у дверей, кто у доски, кто у печки. Только Федю Яблочкина еще не вызвали. Один Федя Яблочкин за столиком сидит.

— Фе-е-е-дя! — шепчет Миша Фигельман от печки.

Не слышит Федя. Сидит, крепко зажмурился и руками голову стиснул.

— Ф-е-дя! — несется шопот из всех углов.

Как подскочит Федя! С грохотом летит Федин стул.

— Ну, вот! — закричали ребята.

— Всю молчанку испортил!

— А как шло хорошо. Никто не шумел. Все потихоньку.

— И как он на стуле сидит, что постоянно роняет свой стул? — говорит Вера Наумовна.

— Я смотрела! Я смотрела! — кричит Римма. — Он ногами за ножки стула зацепляется, когда сидит.

Ребята, размахивая сумками, бегут с лестницы.

На площадке Вера Наумовна взглянула на часы.

— Уже восемь минут четвертого, — сказала Вера Наумовна.

— Вот опоздали теперь, — прошептала Зоя.

Схватила за перила, слезает по ступенькам, позади всех осталась Зоя.

В раздевалке стоят вешалки. Кругом обвешаны. Тетя Лена их кружит, как карусель.

В больших валенках, в синем халате, в шерстяном платке тетя Лена. Снимает пальто и мешки с калошами.

Ребята кричат:

— Мне мое! Дай мое! Вон мое, тетя Лена!

Толкаются, обступают тетю Лену.

— Не лезьте все сразу, — кричит тетя Лена.

— Кто дерется там? Кто там возится? А ты скажи маме, чтоб пуговицу пришила! — кричит тетя Лена.

— Тетя Лена, дай полено, — пропел Миша Фигельман.

Зоя боится, когда толкаются. Как толкнут — ей на ногах не устоять. Уж и не лезет Зоя. Опять позади всех Зоя.

— А мне, а мне тетя Лена! — говорит Зоя.

Ребята уже руки суют в рукава. Вытряхивают калоши из мешков. А Зоя все у вешалки просит:

— А мне, а мне, тетя Лена!

Миша Фигельман надел пальто, нахлобучил шапку с наушниками. В руке клетка.

— Зойка, мы пошли! — кричит Миша Фигельман.

— Ой, погодите, погодите! — просит Зоя.

У Ганса Лиллипеа мохнатая шапка. Пальто нараспашку.

— Чего ее ждать-то! — говорит Ганс Лиллипеа. — Она ведь как по улице пойдет?

Скосил ноги Ганс. Показывает, как Зоя по улице пойдет.

— Мы с ней когда еще дойдем! Уж Рудольфа дома не будет! — говорит Ганс Лиллипеа.

— Ой, погодите, — чуть не плачет Зоя.

Наконец дошла очередь до Зои. Тетя Лена кинула ей пальто прямо на руки.

— Вот твоё пальтишко. Шарф на шее завяжи. Одевается Зоя.

Миша Фигельман и Ганс Лиллипеа — в дверь.

И Зоя за ними в дверь.

Отворилась, запищала и захлопнулась тяжелая дверь.

Идет по улице Ганс Лиллипеа. За ним Миша Фигельман с клеткой. За Мишей ковыляет Зоя.

На улице дома высоченные с двух сторон. У панели кучи грязного снега. Это скинули с крыш. Трамваи не ходят. Один извозчик едет посреди улицы.

— Нам вот так прямо итти. А потом? — говорит Миша Фигельман.

— Вали, иди, — сказал Ганс Лиллипеа, — потом Зойка знает. Она живет, где Рудольф, на той же улице.

Только сказал это Ганс Лиллипеа, смотрит Зоя — уже нет Ганса Лиллипеа.

— Ганс сзади! — кричит Миша Фигельман.

Ганс на извозчике едет. Прицепился к саням сзади.

— Нам нужно скорей, а он вот... — проговорила Зоя.

— Он будет скорее, чем мы, — сказал Миша Фигельман.

На кучу грязного снега полез Миша Фигельман. И зарорал на всю улицу:

— Дядя, сзади!

Оглянулся дядя. Соскочил Ганс.

Вдруг вкатился в улицу автомобиль. Грузовой автомобиль. Колеса огромные. Тихонько катит, потряхивается.

Ганс, пальто нараспашку, бежит за автомобилем.

— Ганс! Ганс! Ганс! — машет Зоя.

— Дурак, без ног хочет остаться! — шепчет Зоя. — Отрежет ноги автомобиль.

Плохо на таких вот ногах, как у Зои. А еще хуже без ног.

Зоя видела дяденьку без ног. Он по панели на колесиках ехал. И руками отталкивался.

Ганс догнал автомобиль. Подскачил, ухватился крепко руками. Повис, а ноги болтаются. А у самых ног вертятся огромные колеса.

— Вот! Вот! — в ужасе шепчет Зоя.

Поджал ноги, подобрал ноги Ганс. Руками держится крепко.

Вдруг затрещал, как ракета, автомобиль. И как даст ходу! Снег грязный — брызгами от колес.

— Ганс! Ганс! — машет Зоя.

Скатился со снежной кучи Миша Фигельман.

— Ему не соскочить теперь! — кричит Миша Фигельман.

Завернул автомобиль и скрылся за углом.

Добежал до угла Миша Фигельман. Смотрит: далеко автомобиль, и Ганс сзади.

Добежала Зоя до угла. Уже не видать, где автомобиль.

— Укатил! — кричит Миша Фигельман.

За углом трамваи звенят. И милиционер ходит. Наска как у пожарного, только серая. И почему не свистит милиционер? Не видал, видно, как Ганс покатил.

— Ах, ты! Ах, ты! — кричит Миша Фигельман. И побежал.

По той же улице, куда Ганс укатил, бежит Миша Фигельман. И клетка в руке.

На углу одна Зоя.

— А как же голуби? — шепчет Зоя. — Мишка! Мишка! — замахала Зоя. — Пойдем вдвоем, Мишка!

Не слышит, не оглядывается Мишка. Бежит, и клетка в руке.

Стоит на углу Зоя, губы стиснула. Постояла, постояла, перешла улицу. И одна побежала дальше прямо по улице.

Не может скоро бежать, а все-таки бежит. Еще больше с боку на бок качается, когда бежит. Так и перекидывает с боку на бок Зою. Подняла руки, раскинула руки. Точно за что ухватиться хочет руками. Так ей легче бежать.

Кончается улица. Неву видно. Завернула Зоя.

— Первый дом, второй дом, — считает Зоя, — третий дом.

Вбежала в третий дом прямо под ворота во двор.

— Где квартира десять? — спрашивает Зоя.

Во дворе ребята смотрят на Зою. Показали на дверь.

И говорят:

— На самом верху квартира десять.

Зоя взобралась по лестнице на самый верх.

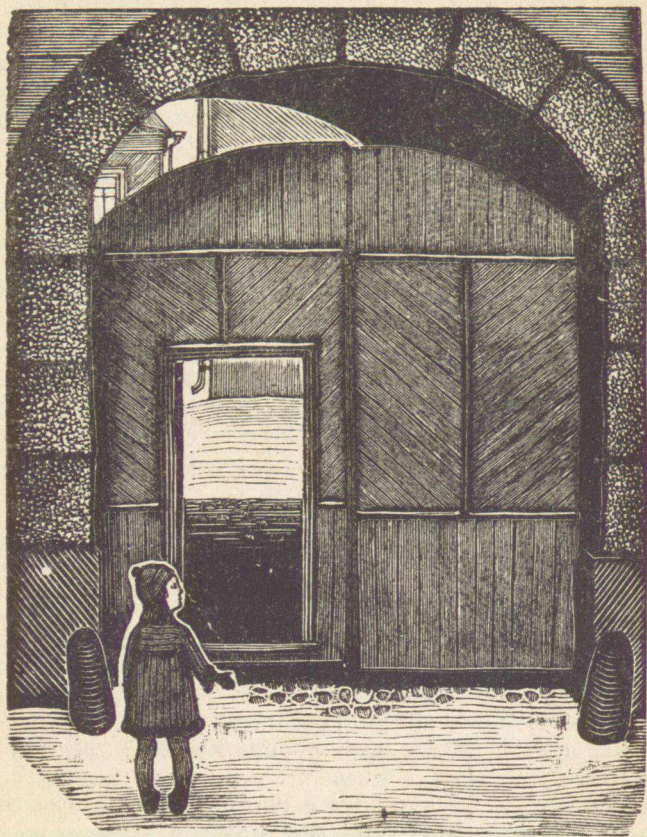
Звонок смешной: висит на проволоке деревянная ручка. Потянулась Зоя, дернула за ручку, — как задребезжит звонок.

Толстая тетенька в платке отворила дверь.

— Чего тебе? — и смотрит на Зою.

— Рудольфа.

— Рудольф на чердаке, — сказала тетенька.

— Поведите меня на чердак! — просит Зоя.

Тетенька вышла из квартиры на лестницу и отворила узкую зеленую дверь. По узкой лесенке в темноте лезет Зоя за тетенькой. Пахнет чем-то. Голубями пахнет. Потом загородки, загородки. Толкнула тетенька дверь в загородке. Еще сильнее голубями запахло. В углу где-то голуби гуляют. Свет через окошко. Высоко прямо на крышу открыто окошко.

— Рудольф на крышу вылез в окошко, — сказала тетенька.

Подбежала Зоя к окошку. Схватила руками.

— Ой, посадите меня, посадите! — просит Зоя.

Посадила тетенька Зою. Вылезает Зоя на крышу. Даже дух захватило — так высоко стоять на крыше.

— Эй, не свались ты там! — кричит в окошко тетенька.

Ходить по крыше Зоя не может. Присела на корточки руками держится за окошко.

Рудольф на крыше. Стоит в пальтишке, руки в карманах. Кепка на затылке. Вверх смотрит, закинул голову.

— Рудольф! — позвала Зоя.

— Они уже давно летают! Вон они, во-о-н! — кричит Рудольф.

И Зоя закинула голову.

Увидела серое, серое небо и стаю голубей в небе.

Рудольф все смотрит вверх.

— Почтовый голубь — сильный голубь. Дикому так не полететь! — говорит Рудольф. — Моих голубей за тридцать восемь километров от Ленинграда увозил Осоавиахим. Как пустили их, круга два сделали вверх и полетели прямо на город. Я дома жду, — прилетят или не прилетят? Прилетели. Только один не прилетел. Наверное коршун съел.

Смотрит Зоя: два голубя опускаются на крышу.

— Пара чепэ, — говорит Рудольф, — один драконистый.

Не понимает Зоя, который драконистый. Оба гладкие. темносерые, хвостики острые, горлышки с переливом. И на лапке колечко. Застучали лапками по железной крыше. К окошку идут.

Увидели Зою на короточках у окошка. Прочь отлетели от окошка.

— Я на чердак полезу, а то боятся меня,—проговорила Зоя.

— Ладно,—говорит Рудольф,—и я полезу. Сейчас все спускаться начнут.

Полезли оба.

Влетела в окошко на чердак пара чепэ.

— А тут какие в углу бегают?—спрашивает Зоя.

— Молодые,—говорит Рудольф.—А вот тут и птенчики есть!

В углу прямо в песке—ямка. Птенчик сидит в ямке. Еще ямка, и еще птенчик сидит в ямке.

Уроды какие! Перьев нету. Какой-то реденький пух. Пузо—как мешок. И большой плоский клюв. Сидят—не шевелятся.

А большие голуби один за другим влетают в окошко.

— Оловянный прилетел!—говорит Рудольф.—Светлорябые прилетели!

У каждого на лапе железное колечко.

— А колечко зачем?—спрашивает Зоя.

— А на колечке у них номер,—говорит Рудольф,—и донесение прикрепляется к колечку.

— Моих голубей,—говорит Рудольф,—на демонстрацию вызывал Осоавиахим. Я их Первого Мая возил на демонстрацию.

— Они ехали с другими голубями на таком высоком, как танка?—спрашивает Зоя.

— Да,—говорит Рудольф,—потом их выпустили перед трибуной. Они как взвываются вверх!

— И прилетели домой?—спрашивает Зоя.

— Прилетели,—сказал Рудольф.

— Ой, а этот! А этот!—прошептала Зоя.

Большого белого голубя увидела Зоя. Он уселся на ящик. Лапки красные. Голова с хохолком. А нос! До чего коротенький нос! Крупинка, а не нос! А крепкий. Он других голубей так и долбит своим носом. Подлетит голубь, а он его носом как долбанет. И голубь отлетит.

— Ой,—тихонько говорит Зоя,—вот этот—белый попугай!

— Нет,—говорит Рудольф,—это голубь—турман.

— А хохлик зачем?—спрашивает Зоя.

— Это у него голова с зачесом, — сказал Рудольф.

На полу лежат доски, сколоченные мостиком.

Насыпал корму Рудольф на мостик.

Налетели. Как задолбили носами! Точно градом бьет по мостику. И оловянный тут, и светлорябые, и турман, и пара чепэ.

Поели голуби. Давай перышки чистить.

Вдруг трое молодых носы вытянули, крылья растопырили. Погнались за одним старым. Удирает старый туда-сюда от них. А они за ним. А они за ним.

— Это они хотят, чтобы их покормила мамаша, — говорит Рудольф.

Наконец мамаша своим клювом захватила одного за клюв. Растопырила крылья. И что сама ела, ему накачивает в клюв.

— Из себя кормит, — сказал Рудольф.

К одному птенчику голубка пришла. Села над ямкой, греет птенчика. Взяла его клюв в свой клюв. И тоже из себя кормит. А те три молодых наелись от мамы, погнались за папашей. Удирает от них папаша, а они за ним. А они за ним.

— Бедные родители! Бедные родители! — шепчет Зоя.

Рудольф поставил ковш с водой. Налетели пить воду. Напились и с ногами полезли в ковш. Давай ноги мыть. До того домыли, что опрокинули ковш.

— Ну, выбирай, — говорит Рудольф, — которого возьмешь? Даже покраснела Зоя. Показывает пальцем на турмана.

— Ладно, — сказал Рудольф. А потом говорит:

— Ты что ж одна? А те двое парнишек отчего не пришли? Пробормотала что-то Зоя и махнула рукой.

— А где ж у тебя клетка? — говорит Рудольф.

Зоя в ужасе взмахнула руками.

— Ах ты! Нет клетки! У Мишки клетка!

— Придется тебе, — говорит Рудольф, — за пазухой его нести.

Зоя смотрит на Рудольфа.

— Чего смотришь? — говорит Рудольф. — Донесешь. Он уже привык сидеть у меня за пазухой. Ты его только не жми. Он тихо будет сидеть.

Улыбнулась Зоя.

— Ты домой его понесешь, а завтра в школу? — спрашивает Рудольф.

Кивнула Зоя.

— Завтра восьмое марта, — проговорила Зоя.

— А в школе клетка-то будет? — спрашивает Рудольф.

Кивает Зоя. А потом говорит:

— Праздник кончится, я тебе его назад принесу.

— Зачем? — говорит Рудольф, — выйдешь из школы — пусти. Он сам домой прилетит.

Рудольф запер чердак на замок, помог Зое спуститься с лестницы.

Вышла на двор Зоя. Улыбается, тихонько идет. Придерживает пальтишко рукой. Турман за пазухой у Зои.

Ребята всегда в двенадцать часов приходят в класс.

А восьмого марта начали собираться уже с девяти.

Вносят столики. Стулья вдоль стены расставляют в два ряда.

И с Верой Наумовной прибивают плакаты.

Сразу как в дверь войти на стене прибили большой плакат:

8 марта — день работницы и крестьянки

Потом еще плакаты:

Мама, ребят веди в ясли и очаги

Мама, иди в санитарный кружок

Над уголком Осоавиахима — большой плакат:

Мы не хотим войны, но к защите готовы

Корабль и танк в уголке Осоавиахима. На тонкой проволоке висит, покачивается самолет. Около винтовки — плакат:

Мама, иди в стрелковый кружок

И еще торчит в стене гвоздик. Один пустой гвоздик. Противогазовая маска висела на этом гвоздице.

— Ах, вот жалко, маски-то и нет! — говорят ребята. — Зато будет почтовый голубь.

Ребята несут столик в уголок Осоавиахима. Это для клетки с почтовым голубем. И выбегают в коридор смотреть, не идут ли с голубем Миша Фигельман и Ганс Лиллипеа.

Стукнула дверь. Все смотрят на дверь.

— Кто это, Мишка?

— Нет, Римма!

С парусиновой сумочкой вошла Римма.

Ребята смотрят, что такое принесла Римма. Улыбается Римма. Открывает сумочку. И вытаскивает из сумочки новую противогазовую маску. Как голова слона, — такая маска.

Закричали все, бегут к Римме.

— Маска! Совсем новая, ребята! И с сумочкой! Вот это маска!

— Ну что? Себе взять или здесь оставить? — говорит и улыбается Римма.

— Это она нарочно! — говорят ребята. — Конечно дело, для уголка Осоавиахима принесла маску!

— Мы маску сейчас повесим! — кричали все.

— Не хватайте руками! Не хватайте! — кричит Римма, — папа сказал — маска испортится, если все будут руками хватать. Пускай повесит Вера Наумовна.

Берет маску Вера Наумовна и говорит:

— Достала! Молодец Римма!

— Я ударница, — сказала Римма.

— Покажите Нюрке маску! — кричали ребята. — Жадине-то этой покажите! Вот и без нее достали. Еще лучше, чем у нее!

Вдруг шум в коридоре. И отворяется дверь. Ребята ведут Ганса Лиллипеа и Мишу Фигельмана. Пустая клетка в руке у Миши Фигельмана.

Кричат ребята:

— Нет голубя! Теперь маска есть, а голубя нет! Они за голубем и не ходили, — они на автомобилях катались сзади!

— Не я, а Ганс Лиллипеа! — кричит Миша Фигельман.

— А Мишка сзади бежал, Ганса искал. И опоздали!

— Я не мог отцепиться, — говорит Ганс Лиллипеа, — шибко

катил автомобиль. Я до самого Финляндского вокзала докатил.

— Ганс! Да тебя могло убить! — крикнула Вера Наумовна.

Все ребята смотрят на Ганса.

— Вот сорвался бы, тут бы и убило, — сказал Миша Фигельман.

— Я, когда отцепился, весь дрожал даже. Не мог итти даже, — пробурчал Ганс.

— Очень хорошо! Очень хорошо! — говорит Вера Наумовна. — Не будешь цепляться теперь. Еще жаль, что тебя не взял милиционер.

— Я слыхала! Я слыхала! Всех колбасников в милиции сажают в шестнадцатое отделение! — кричит Римма.

— Ребята! Но ведь за голубем пошла еще Зоя! — говорит Вера Наумовна.

— Ну, что Зоя! — отмахнулись ребята.

— Косолапка! — совсем тихонько сказал кто-то из ребят.

— Да и клетки не было у Зои!

Дернулась дверь, но не отворилась. Все посмотрели на дверь. Опять дернулась — и приоткрылась. Пролезает в дверь Зоя. Осторожно прижимает к себе большого белого голубя. Как заорали все. Налетели. Чуть не сшибли с ног Зою.

— Тише! Тише! — кричит Вера Наумовна.

Взяла голубя из рук у Зои Вера Наумовна.

— В клетку его! У Мишки клетка! — кричат ребята.

Посадили в клетку. Столпились у клетки.

— Вот красивый какой! — говорят ребята. — Будто и не голубь!

— Я никогда даже такого голубя и не видал! — сказал Миша Фигельман.

Ближе всех у клетки стоит Зоя. И никто не толкает Зою.

— Это турман! — тихонько говорит Зоя.

— Ой, смотрите! У него на лапе железное колечко!

— Это чтоб донесение прикрепить, — тихонько говорит Зоя.

— И хохлик на голове!

— Это у него голова с зачесом! — тихонько говорит Зоя.

Вера Наумовна близко подошла к Зое, улыбается ей.

Улыбнулась и Зоя.

— Ребята, вот это ударница! — сказала Вера Наумовна.

— Молодец! — закричали ребята, — молодец Зоя!

Вера Наумовна поставила клетку с голубем в уголок Осовиахима и сказала:

— Ребята, сегодня — Международный женский день. На всех заводах премируют ударниц. Давайте и мы своих премируем.

И Мишу Фигельмана, — сказала Зоя. — У него самолет полетел!

— Ладно, и Мишу Фигельмана, — сказала Вера Наумовна.

-10K.